

ИСТОРИЧНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ*

В статье рассматривается проблема соотношения историчности и концепции универсального (глобального) эволюционизма, претендующей на парадигмальный, трансдисциплинарный и постнеклассический статус и доминирующей в некоторых областях отечественной макроистории. Анализируются варианты представлений о естественнонаучной темпоральности и гуманитарной историчности, их диалогический потенциал. Хотя универсальный эволюционизм признает в теории достижения неклассической науки и исторического знания, но в приложении к исторической проблематике (теория цивилизаций, универсальная история) он игнорирует проблематику историчности, оставаясь во многом физикалистским.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, историческая глобалистика, синергетика, постнеклассическое знание, релятивизм, синтетическая теория эволюции, постпостмодернизм, глобальная история

В конце XX – начале XXI в. часть историков связывала большие надежды с переходом от классической к постнеклассической картине мира, с диалогом естественнонаучного и гуманитарного знания¹. В последние годы развитие ряда господствующих направлений отечественной макроистории (клиодинамика, универсальная история – *big history*, глобальная история², историческая глобалистика) опирается на претендующие на парадигмальность концепции, созданные на основе естественнонаучных представлений о времени и развитии – универсальный или глобальный эволюционизм. В его основе – идеи системности, синергетики, коэволюции, самоорганизации, выдвинутые математиками, физиками и химиками³. Так, научная школа А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина видит в глобальном эволюционизме «господствующую основу научной картины мира», а свое призвание – в превращении глобальной истории в «идеографическую <так в тексте. – И.И.> основу глобального эволюционизма»⁴. Авторы утверждают, что их подход «обновляет и дополняет всеобщую историю, зачастую европоцентрическую, линейную, детерминистскую по своему происхождению, предлагает многослойную, многоуровневую или многоаспектную модель исторического про-

* Автор выражает глубокую благодарность за консультации зав. Лабораторией анализа генома Отдела геномики и генетики человека ИОГен РАН им. Н.И. Вавилова, доктору биологических наук РАН Светлане Александровне Боринской.

¹ Ионов 1997. С. 118-135.

² См.: Универсальная... 2012.

³ Родство этих направлений признают обе стороны. См.: Князева, Алюшин 2016; Зинькина, Ильин, Андреев, Алешковский, Коротаев 2016. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 72-73.

цесса, учитывающую разнообразие материально-энергетических, культурных, символических и иных акторов и агентов исторических изменений и, главное, взаимность любых воздействий и представление о целостности мира как о поле действия исторических сил. И силы эти должны, по возможности, иметь измерение и численное выражение, а процессы – быть смоделированы»⁵.

Но большинство практикующих историков о «глобальном эволюционизме» и его методологическом доминировании совершенно не осведомлены. Причина этого – принадлежность к разным направлениям исторической антропологии, связанным с традицией Ф. Броделя или с ее преодолением, с антропологией эволюциониста Р. Карнейро или К. Гирца, критиковавшего стратегию «составления однородных паттернов из абстрактных фигур», порождающую «статистические призраки»⁶. Сказывается и неосведомленность об истоках того и другого направления. Исторические глобалисты считают, что «синергетика "пришла" в чисто гуманитарную до этого историю»⁷, игнорируя традицию междисциплинарного синтеза школы «Анналов», работы Ф. Симиана, Ж. Дюби, П. Шоню и др.) Гуманитарные представления о времени – теории историчности – выглядят на фоне вездесущих математических моделей глобалистов и их эволюционных представлений о времени не как равный субъект диалога, а скорее как бедный родственник. Это крайне странно, так как предтеча этого направления В.И. Вернадский считал активной составляющей мирового развития научную мысль, а значит (в современной трактовке науковедения) и область ценностей, установок, ментальностей, коммуникаций, ее создавших⁸.

Поэтому, прежде чем начинать диалог историков и сторонников исторической глобалистики, надо обратить внимание на методологические основы этого последнего направления, и прежде всего на ключевую для исторического знания проблему соотношения естественнонаучных («объективных») моделей темпоральности и гуманитарных представлений об историчности⁹. Это покажет, насколько в универсальном эволюционизме учтено влияние культурно-символических факторов и насколько он открыт для диалога с историками. Прежде всего речь пойдет о тех авторах, которые создали это направление (Н.Н. Моисеев, С.П. Курдюмов) и развивают его, сближаясь с проблематикой глобальной истории (Е.Н. Князева, А.Л. Алюшин, И.В. Ильин, А.Д. Урсул). Но

⁵ Они заявляют, что движутся в том же направлении, что и авторы выпускаемой Институтом всеобщей истории РАН «Всемирной истории» в 6-ти тт. – Там же. С. 10. См. также: *Всемирная...* 2011-2018.

⁶ *Реконструкции...* 2017. С. 164-165; Ср.: *Антология...* 2006. С. 135, 186-187, 425-427.

⁷ Зинькина, Ильин, Андреев, Алешковский, Кортаев 2016. С. 9.

⁸ Там же. С. 8; Вернадский 1977.

⁹ Бергер, Лукман 1995. С. 51.

сначала надо выяснить, каков диалогический потенциал самих естественнонаучных и гуманитарных представлений о времени.

У истоков проблемы: модели развития и времени

В XX в. стало распадаться сложившееся в рамках позитивизма общенаучное представление о линейности исторического времени и универсальности идеи прогресса, воплощенное в триумфалистской концепции истории, разделившее человеческие общества по вертикали на «современные» и «отсталые». Модель времени усложнилась уже в неклассической физике: теория относительности А. Эйнштейна создала образ мультитемпоральности проживаемого времени у разных наблюдателей. Неравновесная термодинамика (синергетика) И. Пригожина ввела в физику представления о необратимости времени, нелинейности и множественности времен, «разветвляющихся одни над другими», о равновесности как эволюционном тупике, а также о неопределенности и непредсказуемости будущего, случайно возникающего в точке бифуркации¹⁰. Она же спровоцировала начало диалога представлений о темпоральности и историчности. Ю.М. Лотман отводил историчности ключевую роль при анализе ретроспективного описания процесса случайного выбора будущего. Он предвидел опасности, создаваемые историчностью позиции наблюдателя синергетического процесса, перемещающейся между моментами до выбора и после него. В этих условиях возникает соблазн «ретроспективной трансформации» – стремление игнорировать случайность выбора путем «произвольных предположений и квазиубедительных причинно-следственных связей... Хаотическая для простого наблюдателя картина событий выходит из рук историка вторично организованной... Случайному приписывается вес закономерного и неизбежного»¹¹. Правда, заметного развития это направление не получило.

Иные версии представлений о развитии и времени задавала биология. В теории векторов эволюции А.Н. Северцова (1925) появилось представление о том, что способами достижения биологического прогресса, поступательными эволюционными стратегиями являются не только совершенствование (ароморфоз), но и консервативное приспособление к внешней среде (идиоадаптация, алломорфоз), приспособление к условиям индивидуального развития (ценогенез) и даже упрощение во имя выживания (общая дегенерация) с переходом от активного образа жизни к более пассивному¹². В этих условиях противопоставлять время индивидуального развития и время эволюции, как это делал еще В.И. Вернадский¹³, было уже невозможно. При участии внука био-

¹⁰ Вишняков 2013. С. 111; Казютинский 2007. С. 13, 29.

¹¹ Лотман 2000. С. 25.

¹² Северцов 1967.

¹³ Вернадский 1988. С. 231.

лога А.С. Северцова эти подходы дополнила и развила междисциплинарная эволюционная экология, изучающая коадаптацию биоценозов, экосистем, ландшафтов. Примечательно, что в его книге о направленности эволюции тема ароморфоза занимает последнее место¹⁴.

На новом этапе развития синтетической теории эволюции (третий синтез) прогрессистская модель эволюции как вертикально растущего «дерева» сменилась у Е.В. Кунина (2011) образом эволюции как целого «леса деревьев», мультимодельностью, отображающей детерминированный хаос. Имеются разные мнения о мере сближения картины эволюции Кунина с постмодернистской, но характерно, что в процессе конкретных исследований у него возникли метафоры, которые связаны как с «горизонтальной», так и с вертикальной моделью времени. Он пишет о сетевом характере эволюции, об эволюции как паутине или даже о ризоме жизни (возможно, понимая под ризомой, как биолог, прежде всего образ корневища)¹⁵. Тем самым, биологическая эволюция приобретает мультитемпоральность. Это открывает дорогу к диалогу концепций эволюции в биологии и истории. А у социологов и историков интерес к проблемам «объективной» периодизации перерос в интерес к субъективным проблемам историчности у П. Сорокина, который проследивал смену моделей этернализма и темпорализма, первотворческого, бесцельно-осциллирующего, линейного и циклического восприятия времени, детерминизма и причинности¹⁶. Но наибольшую роль сыграли историки, более тонко классифицировавшие и подробно описавшие стратегии концептуализации времени в разные эпохи, смену режимов историчности (пассеизма, презентизма и футуризма)¹⁷.

С конца 1970-х ведется критика позитивистских и физикалистских моделей времени. Ж. Делез и Ф. Гваттари выдвинули идею ризомы, альтернативную абстрактно-рациональному, вертикальному, основанному на дуальных оппозициях восприятию времени в классической теории эволюции – как горизонтальной модели времени, не имеющей централизованного строения, гетерогенной, сетевой, лишенной границ и деления на микро- и макро-историю (хотя и способной взаимодействовать с древовидной и линейной моделями)¹⁸. П. Рикер и Э.В. Саид развернули деконструкцию спекулятивных хронософий, классических (физикалистских, цивилизационных, формационных), идеологически нагруженных моделей времени (европоцентризм, ориентализм), которые дискредитировали западные модели интерпретации времени¹⁹. В глобальной ис-

¹⁴ Северцов 1990.

¹⁵ Кунин 2014; Боринская 2014; Ризома.

¹⁶ Сорокин 2000. С. 346-370, 425-462, 731-781.

¹⁷ Koselleck 2004; Ле Гофф 1992 С. 120-183; Артог 2008; Савельева, Полетаев 1997.

¹⁸ Делез, Гваттари 2010.

¹⁹ Саид 2006; Рикер 2004.

тории возникли попытки создать модели времени, преодолевающие западные «гордыню первооткрывателя» и «тиранию времени». В них взаимодействуют западные и незападные подходы (связанные или не связанные с представлениями о преодолении хаоса, идеалами порядка, целостности и прогресса)²⁰.

Ф. Анкерсмит (1994) характеризовал вертикальные модели времени (историзм) как способ манипуляции прошлым, при котором сам исследователь избегает историзации и редуцирован до «просто трансцендентального, трансисторического субъекта без эмпирической (темпоральной или исторической) индивидуальности»²¹. Соответственно, он критиковал и идею универсальной истории, в которой логическое доминирует над историческим за счет выделения логически прозрачного в «фигуру» и отбрасывания логически непрозрачного в «фон»²². Современное историописание, по его словам, «неприветливо к ясным и полным силы паттернам исторической эволюции»²³. Равным образом П. Рикер призывал теорию истории противостоять «стремлению растворить историю в некой логической или алгебраической комбинации во имя корреляции между процессом и системой»²⁴.

Наиболее последовательно стратегию мультиперспективистской историзации проводит перекрестная история Вернера-Циммерманн, которая принципиально не приемлет монизм и холизм, оперирует разными моделями времен, изучает взаимодействие исторических и исследовательских моделей темпоральности, например, в истории культурных трансферов и сравнительных исследований. Во имя преодоления метафизических оснований предпосылочного знания, в т.ч. хронософий, она «поднимает вопрос о собственной историчности посредством историзации объекта, категорий анализа и отношений между исследователем и объектом»²⁵. Плюральность темпоральностей здесь – важнейший инструмент самоидентификации историка и конструирования объектов исторического исследования, способ борьбы против «объективизации посредством фактов», рассматриваемых как непосредственно доступные наблюдателю, реификации имплицитных и редукционистских моделей. Вернер и Циммерманн не принадлежат к постмодернистам. Скорее их можно причислить к движению «после постмодернизма», выдвигающего идею «здорового» релятивизма, сочетающего классические идеалы научной истины и познаваемости реальности прошлого с признанием плюрализма подходов историков, их взаимодополнительности, взаим-

²⁰ Ионов 2015. С. 412-413.

²¹ Анкерсмит 2009. С. 339, 365.

²² Там же. С. 339, 347.

²³ Там же. С. 375, 340.

²⁴ Рикер П. 2004. С. 222.

²⁵ Вернер, Циммерманн 2007. С. 62-63.

ной критики и взаимного признания как условий их реализации²⁶. Историк и когнитолог М. Шермер в борьбе против «слепых пятен» предвзятости ученого, стремления подтверждать то, во что уже верится, также считает перекрестное исследование с разных познавательных перспектив одной из важных стратегий верификации²⁷.

Универсальный эволюционизм и проблема времени

Итак, диалогический потенциал взаимодействия образов времени накоплен как в естественнонаучном, так и в гуманитарном знании. Но что делает с ним универсальный эволюционизм? Его создатель математик Н.Н. Моисеев более четверти века назад прямо называя эту концепцию «физикалистской», четко рефлексировал ее дистанцированность от чувственного, «алогичного», подсознательного восприятия, с которым имеет дело гуманитаристика²⁸. Он признавал закономерность разных интерпретаций людьми одних и тех же эмпирических данных, но видел в этом следствие не силы, а слабости человеческого сознания, которое порождает «принципиальное несоответствие наших возможностей... сложности мира, в котором мы живем»²⁹. Моисеев считал, что универсальный эволюционизм преодолевает представление о случайности (как свойстве микромира) и возвращается к идее детерминизма (как свойства макромира), выдвигая постулаты о «стреле времени», «направленности» эволюции, влиянии прошлого на настоящее и будущее, преодолении неопределенности на основе расширения знаний о прошлом и «законах сборки» (возникновения систем – организмов или обществ), которые он считал столь же фундаментальными, как и законы физики. Новое в этих взглядах – противопоставление скорости эволюции и стабильности системы. Человек в этом контексте – продукт роста неравновесности и «некорректности задач», которые приходится решать природе. Разъясняя свое отношение к антропному принципу, позволяющему рассуждать о целесообразности, детерминированности и векторе эволюции, фрустрированный кризисом марксизма оптимист Моисеев заявлял, что «человек появился во Вселенной потому потому, что она такая, какая есть». Но будущее человека, по его мнению, неопределенно. Неравновесность порождает глобальные проблемы, угрозу нового средневековья³⁰.

Подход к антропному принципу может быть гораздо более скептическим. Такую позицию среди сторонников универсального эволюционизма в 1990-е представлял В.В. Казюгинский, считавший, что «великое молчание Вселенной» можно интерпретировать как фундаментальное знание, которое девальвирует образ человека как «неотъемлемой части

²⁶ Там же. С. 81-82, 87-88; Репина 2011. С. 119-162.

²⁷ Шермер 2017. С. 411, 413, 489.

²⁸ Моисеев 1991. С. 5.

²⁹ Там же. С. 3-4.

³⁰ Там же. С. 7-11

Вселенной», пока не найден альтернативный (неземной) наблюдатель. Возникновение человека как единственного наблюдателя можно интерпретировать как «дело случая». Это заставляло его обращать внимание на границы применимости синергетики как парадигмы, на эпистемологические противоречия универсального эволюционизма, на проблему метаязыка, на роль изучения духовной сферы человека, соотношения объективных и субъективных факторов, уделять внимание «боковым ветвям» эволюционного процесса, участвовать в дискуссиях о продуктивности организации человечества по типу социальных насекомых³¹. Созвучно этим идеям и презентистское стремление «создать глобальную систему, работающую в режиме отрицательной обратной связи»³².

Футуристский подход представлял основатель синергетического движения в России С.П. Курдюмов. Он признавал нарастающую неравновесность и уменьшающуюся вероятность эволюционирующих систем, но полагал, что «синергетика позволяет снять... страх перед сложными системами», так как «нелинейная ситуация... как-то разрешается»³³. Синергетику он считал способом преодоления минорной по духу классической термодинамики, предполагающей деградацию и тепловую смерть Вселенной, и утверждения мажорной неравновесной термодинамики, оптимистически рассматривающей «динамическую устойчивость» режимов с обострением, нелинейное нарастание сложности в результате гиперболического роста, которая делает возможным конструирование желаемого будущего, несмотря на «периодическое выпадение в хаос»³⁴. Эта триумфалистская и прогрессистская, стадийная модель времени стала основанием для универсального эволюционизма, ориентированного скорее на нужды футурологии, чем истории, и воспроизводящего в новых условиях идеалы монизма, холизма, законсообразности, детерминизма. Курдюмов считал неправомерным «чрезмерно усложнять модели, вводить большое число параметров эволюции». В центре его внимания не точки бифуркации, а аттракторы, цели последующего движения: «Сверхсложная, бесконечномерная, хаотизированная на уровне элементов среда (система) может описываться, как и всякая открытая нелинейная среда (система) небольшим количеством фундаментальных идей и образов... Структуры-аттракторы эволюции, ее направленности и цели относительно просты... Асимптотика колоссально упрощается», что дает возможность «определить... параметры порядка мирового развития». Последнее сводится к квазилинейной модели переплетения эволюции и инволюции, обострения и затухания, роста и падения сложности. Возникает возможность прогнозирования, исходя

³¹ Казютинский 1999. С. 40-41; 2007. С. 4-15.

³² Турчин 2010. С. 161-162.

³³ Князева, Курдюмов 1997. С. 71.

³⁴ Там же. С. 62-63, 71, 75; Князева 2007. С. 52.

из целей-аттракторов процессов, «от целого» и «из идеала», согласования желаний человека и тенденций среды. Именно на основе этих идей, напоминающих о предупреждениях Лотмана, Курдюмов собирался создавать «гуманитарную синергетику», изучать человека и историю, темпы, в которых должны быть согласованы темпы разных уровней эволюции. Образцами были модели ритмов истории Н.Д. Кондратьева, А.Д. Тойнби, Л.Н. Гумилева, И.М. Дьяконова и С.П. Капицы³⁵.

Данная концепция стала методологическим основанием для исторической глобалистики. А.В. Коротаев признает, что цель познания законов истории на уровне простых социальных систем недостижима. Он фиксирует наличие «микроуровневого хаоса», отвергая его как предмет исследований и отстаивая существование «высокодетерминированной макроуровневой динамики». В результате оказывается, что законы социальной эволюции лучше всего обнаруживаются на уровне Мир-Системы (зоны ойкумены, которую можно рассматривать «как единое развивающееся целое», связанное информационными сетями, предполагающими диффузию технологических нововведений за «промежутки времени, заметно меньше тысячелетия»). Причем эта модель рассматривается не как таковая, в контексте историчности историков, ее создавших и использующих, не в ряду других моделей, как у Вернера и Циммерманн, а реифицируется исследователями как «ни в коей степени не случайная... совершенно реальная... единое развивающееся целое»³⁶.

Дальнейшее развитие исторической глобалистики и универсального эволюционизма в России демонстрирует противоречивые тенденции: распространение влияния этой теории и бурное развитие исторического моделирования, ставшего авторитетным источником интерпретаций для историков и экономистов, но не для демографов или культурологов (хотя демографический материал часто подвергается анализу), и странную расплывчатость их эволюционистских оснований, реификацию моделей и верность старым хронософиям. Философы – сторонники универсального эволюционизма остаются в рамках современных гуманитарных стандартов, резко отвергают физикалистский и вообще редукционистский характер своих конструкций, поддерживают конструктивизм, кибернетическую идею циклической причинности П. Вацлавика, предполагающую взаимодействие положительной и отрицательной обратной связи, и даже (если речь идет о психологии), совсем в духе К. Гирца – анализ перекрестного диалога³⁷. Однако все странным образом меняется, если дело заходит об истории. Выстраивается картина, в которой не учтены современные подходы историков и гуманитариев.

³⁵ Князева, Курдюмов 1997 С. 65-66, 74; 69-72, 75.

³⁶ Коротаев, Малков, Халтурина 2007. С. 118-121, 136.

³⁷ Князева 2006. С. 133-152.

В теории темпомиров и многоуровневом темпоральном подходе А.Л. Алюшина и Е.Н. Князева внимание авторов сосредоточено на множественности временных шкал (политических, экономических, культурных), которые П. Рикер соотносил с вариациями календарного времени, но не на их взаимодействии в диалоге³⁸. Точка зрения авторов подана как объективное отражение реальности, без анализа ее собственной историчности, без размышлений о том, как сочетаются время и рассказ о нем, хотя апории опыта исторического времени – это именно их тема, как и тема П. Рикера, Ф. Артога и Ю.М. Лотмана (рассуждения которого о развитии культуры изложены без ссылки на автора, а мысли по поводу историчности и «ретроспективной трансформации» образа становления нового просто игнорируются)³⁹.

В описании истории цивилизаций циклическая и многолинейная модели сосуществуют с признанием физической одновременности современных цивилизаций в календарном времени, где благодаря Интернету «все части взаимодействуют синхронно» (без учета локальных календарей и хронософий Израиля, Китая, Индии, арабского мира). Культура интересует авторов лишь с точки зрения динамики ее развития, «временная архитектура... цивилизации»⁴⁰ остается вне поля их внимания. Идентичность воспринимается вне времени, как целое, не имеющее структуры и переходящее от поколения к поколению вместе «землей предков». В противоречии с идеей многолинейности эволюции сохраняются европоцентристские образы «единой колеи истории», прогресса форм восприятия времени в первобытных, традиционных и современных обществах и унифицирующая шкала «фаз развития» (против нее возражал еще К. Леви-Строс, считавший исторический прогресс случайным и разнонаправленным⁴¹). Согласно этой шкале, выделяются отсталые и передовые цивилизации. В целом авторы остаются на уровне 1950–1970-х, акцентируя броделевские проблемы перехода от событийной истории к сериальной и синтеза трех уровней исторического времени, которые П. Рикер соотносил со спекулятивной хронософией. Социальный субъект оказывается у них не самостоятельным актором, а объектом взаимодействия разнонаправленных сил, как в позитивистской социальной физике⁴². Это близко позиции сторонников клиодинамики, участвующих в конференциях по «социофизике».

То, что понимание теории цивилизаций в России 2008 г. было во многом неадекватным, я знаю на собственном опыте⁴³. Но ошибки надо

³⁸ Алюшин, Князева 2008. С. 163–165. Рикер 2004. С. 216.

³⁹ Там же. С. 163–170, 180; Артог 2008. С. 19–20; Лотман 2000. С. 17–30.

⁴⁰ Рикер 2004. С. 218.

⁴¹ Там же. С. 221.

⁴² Алюшин, Князева 2008. С. 170–178, 181–182; см.: Рикер 2004. С. 220.

⁴³ Ионов 2007.

не повторять, а исправлять. Между тем отход от гуманитарных подходов особенно заметен в статье Е.Н. Князевой и А.Л. Алюшина 2016 г., касающейся универсальной истории. Правильно определив вначале пафос исследований Ф. Спира и А.П. Назаретяна как изучение путей коэволюции как коадаптации и обозначение «золотой середины» (в мощности энергетических потоков или техно-гуманитарном балансе), т.е. процессов с отрицательной обратной связью, авторы впоследствии переключаются на описание коэволюции как взрывных процессов с обострением (положительной обратной связи). Образ коадаптации оттесняется на задний план: «Режимы с обострением могут описываться как основной тренд развития системы, так и отдельные этапы эволюции <...> можно установить общие законы эволюции нелинейного мира через призму развития в режиме с обострением»⁴⁴. Эволюционный процесс мыслится ими как ароморфоз или дегенерация (осмысливаемая негативно, а не как особая ветвь эволюции, например «развитие недоразвитости»), т.е. вертикально, что странно даже для современных биологов. Отсюда позитивное отношение авторов к идее и даже идеалу «социального ароморфоза» у сторонников клиодинамики. В связи с этим вновь возникает европоцентристская модель цивилизационного сознания, при которой «для глобальной системы человечества прошлое олицетворяют народы, живущие на периферии цивилизации» (что не совсем стыкуется даже с подходами сторонников клиодинамики)⁴⁵. Намеки на гуманитарность сменяются безоговорочным провозглашением «философского натурализма» основанием глобалистики и универсальной истории (*big history*). Парадоксальным образом базой постнеклассического трансдисциплинарного знания провозглашаются, как и у Моисеева, созданные в рамках классической науки работы А. Смита, Ч. Дарвина, К. Маркса⁴⁶. И, соответственно, ни уроки «третьего синтеза» в биологии, ни тем более представления об историчности в работе не учтены.

Это не случайно. Классические холистские и материалистические представления о классификации и взаимодействии наук, неотрелексированные физикалистские представления о времени мы встречаем у основателя постнеклассического подхода В.С. Степина (в т.ч. чисто марксистское понятие «социальной материи»)⁴⁷. На том же уровне идет обсуждение проблем глобалистики у отечественных политологов и философов, придерживающихся универсального эволюционизма⁴⁸. Надо отметить, что такая ситуация не представляется обязательной для сторонников постнеклассического подхода. В частности, Л.А. Микешина, при-

⁴⁴ Князева, Алюшин 2016 С. 19, 21, 23.

⁴⁵ Там же. С. 21, 24. Ср.: Зинькина, Ильин, Андреев, Алешковский, Коротаев 2016. С. 10.

⁴⁶ Князева, Алюшин 2016. С. 20-21.

⁴⁷ Степин 2006. С. 343.

⁴⁸ Ильин, Урсул 2009.

нимавшая активное участие в формировании образа постнеклассического знания, не преуменьшая значимости синергетической парадигмы, совершенно иначе подходит к идеям междисциплинарности и диалога разных направлений знания, различает влияние общенаучных парадигм на когнитивные основания социального и гуманитарного знания, оперирует разными версиями идеи историчности⁴⁹. Однако такая позиция – скорее исключение, если речь не идет об историках науки.

Разные версии синергетики и глобального эволюционизма строятся на базе различных настроений исследователей и нерелексированных режимов историчности. Представления о времени, которые используют их сторонники, имеют в основном физикалистский характер, слабо учитывают современный опыт биологии, не говоря об исторической науке. Попытки вторжения универсального эволюционизма в сферу исторического знания недостаточно обоснованы, а его парадигмальный, трансдисциплинарный и постнеклассический статус сомнительны. Скорее это неоклассическое направление, возникшее в связи с кризисом классической модели знания, но не усвоившее всех достижений его неклассической модели. Но диалог естественников и историков возможен. Большую роль в нем способны сыграть глобальная и перекрестная история, предполагающие в рамках постпостмодернизма сетевое взаимодействие между естественнонаучными и гуманитарными подходами ко времени, между исторической глобалистикой и исторической наукой⁵⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
- Анализ публикационной активности. Гринин Леонид Ефимович // Научная электронная библиотека (URL: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=250272).
- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, РОИИ Реабилитация, 2009. 400 с.
- Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / Гл. ред. С.Я. Левит. М.-СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 720 с.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 19-38.
- Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Боринская С.А. Эволюция сквозь призму геномики // Природа. 2014. № 10. С. 80-89.
- Вернадский В.И. Размышления натуралиста. В 2 кн. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. 192 с.
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
- Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.
- Вишняков Д.В. Эволюция концепций времени // Наука и школа. 2013. № 1. С. 109-112.
- Всемирная история. В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011–2018.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. М.: У-фактория, Астрель, 2010. 895 с.

⁴⁹ Микешина 2009. С. 491-518; 2010. С. 17, 42, 72, 76, 101, 171-176, 475, 479, 491-492 и др.

⁵⁰ Ионов 2015. С. 148-149.

- Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Введение // Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Историческая глобалистика. Т. 1. М.: Московск. редакция изд-ва «Учитель», 2016. С. 8-12.
- Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: Изд-во МГУ, 2009. 232 с.
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. 464 с.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118-135.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Под ред. В.В. Казютинского и Е.А. Мамчура. М.: ИФ РАН, 2007. С. 4-32.
- Казютинский В.В. Человек в процессах глобального эволюционизма // SETI: прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. Тезисы и программа научно-методической конференции. М.: Типография «Человек К^с», 1999. С. 40-41.
- Князева Е.Н. Овладение временем и управление коэволюционной сложностью // Синергетика времени. Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.И. Аршинов. М.: Репроникс, 2007. С. 52-68.
- Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12. Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 133-152.
- Князева Е.Н., Алюшин А.Л. Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16-31.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 62-79.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование. Демография, экономика, культура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, 2007. 224 с.
- Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции / Автор. пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2014. 527 с.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 12-149.
- Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
- Микешина Л.А. Тенденции развития эпистемологии социального и гуманитарного знания // Постнеклассика. Философия. Наука. Культура / Под ред Л.П. Киященко, В.С. Степина. СПб.: Мир, 2009. С. 491-518.
- Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3-28.
- Реконструкции мировой и региональной истории. От универсализма к моделям межкультурного диалога / Под ред Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Ризома // Википедия (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ризома>).
- Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.
- Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1967. 204 с.
- Северцов А.С. Направленность эволюции. М.: Изд-во МГУ, 1990. 272 с.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
- Социофизика и социоинженерия // URL: <http://www.soc-phys.org/jm/>; <http://soc-phys.ipu.ru/>

- Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества. Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. 688 с.
- Турчин А.В. Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 156-163.
- Шермер М. Тайны мозга. Почему мы во все верим. М.: Эксмо, 2017. 560 с.
- Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia U.P., 2004. 317 p.

REFERENCES

- Alyushin A.L., Knyazeva E.N. Tempomiry: Skorost vospriyatiya i shkaly vremeni. M.: Moskva: LKI, 2008. 240 s.
- Analysis of publication activity. Grinin Leonid Yefimovich // The Scientific e-library (URL: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=250272)
- Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory. M.: Kanon+, ROII Reabilitaciya, 2009. 400 s.
- Antologiya issledovaniy kultury. Interpretacii kultury / Gl. red. S.Ya. Levit. M.-SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 720 s.
- Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti // Neprikosovennyj zapas. 2008. № 3 (59). S. 19-38.
- Berger P. Lukman T. Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
- Borinskaya S.A. Evolyuciya skvoz prizmu genomiki // Priroda. 2014. № 10. S. 80-89.
- Deleuze J., Guattari F. Kapitalizm i shizofreniya: Tsyacha plato. M.: U-faktoriya, Astrel, 2010. 895 s.
- Ilyin I.V., Ursul A.D. Evolyucionnaya globalistika (konceptiya evolyucii globalnyx processov). M.: Izd-vo MGU, 2009. 232 s.
- Ionov I.N. Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodejstviya. M.: Nauka, 2007. 499 s.
- Ionov I.N. Mirovaya istoriya v globalnyj vek: Novoe istoricheskoe soznanie. M.: Akvilon, 2015. 464 s.
- Ionov I.N. Teoriya civilizacij i evolyuciya nauchnogo znaniya // Obshhestvennye nauki i sovremennost. 1997. № 6. S. 118-135.
- Kazyutinskij V.V. Chelovek v processax globalnogo evolyucionizma // SETI: proshloe, nastoyashhee i budushhee civilizacij. Tezisy i programma nauchno-metodicheskoy konferencii. M.: Tipografiya «Chelovek K^o», 1999. S. 40-41.
- Kazyutinskij V.V. Epistemologicheskie problemy universalnogo evolyucionizma // Universalnyj evolyucionizm i globalnye problemy / Pod. red. V.V. Kazyutinskogo i E.A. Mamchura. M.: IF RAN, 2007. S. 4-32.
- Knyazeva E.N. Epistemologicheskij konstruktivizm // Filosofiya nauki. Vyp. 12. Fenomen soznaniya. M.: IF RAN, 2006. S. 133-152.
- Knyazeva E.N. Ovladenie vremenem i upravlenie koevolyucionnoj slozhnostyu // Sinergetika vremeni. Mezhdisciplinarnyj podhod / Otv. red. V.I. Arshinov. M.: Reproniks, 2007. S. 52-68.
- Knyazeva E.N., Alyushin A.L. Big History: evolyucionnoe myshlenie v globalnoj perspektive // Vek globalizacii. 2016. № 3. S. 16-31.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Antropnyj princip v sinergetike // Voprosy filosofii. 1997. № 3. S. 62-79.
- Korotaev A.V., Malkov A.S., Khalturina D.A. Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie. Demografiya, ekonomika, kultura. Izd. 2, ispr. i dop. M.: URSS, 2007. 224 s.
- Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia U.P., 2004. 317 p.
- Kunin E.V. Logika sluchaya. O prirode i proisxozhdenii biologicheskoy evolyucii / M: Centropoligraf, 2014. 527 s.
- Le Goff J. Civilizaciya srednevekovogo Zapada. M.: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 376 s.
- Lotman Yu.M. Kultura i vzryv // Lotman Yu.M. Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashhix mirov. Stati. Issledovaniya. Zametki. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. S. 12-149.

- Mikeshina L.A. Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii epistemologii i filosofii nauki. M.: ROSSPEN, 2010. 575 s.
- Mikeshina L.A. Tendencii razvitiya epistemologii socialnogo i gumanitarnogo znaniya // Post-neklassika. Filosofiya. Nauka. Kultura / Pod red L.P. Kiyashenko, V.S. Stepina. SPb.: Mir, 2009. S. 491-518.
- Moiseev N.N. Universalnyj evolyucionizm (Poziciya i sledstviya) // Voprosy filosofii. 1991. № 3. S. 3-28.
- Rekonstrukcii mirovoj i regionalnoj istorii. Ot universalizma k modelyam mezhkulturnogo dialoga / Pod red L.P. Repinoy. M.: Akvilon, 2017. 560 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Socialnye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.
- Ricoeur P. Pamyat, istoriya, zabvenie. M.: Izd-vo gumanitarnoj literatury, 2004. 728 s.
- Rizoma // Wikipedia (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Rizoma>).
- Savelieva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremya: v poiskah utrachenogo. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 p.
- Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. SPb.: Russkij mir, 2006. 638 s.
- Severcov A.N. Glavnye napravleniya evolyucionnogo processa. M.: Izd-vo MGU, 1967. 204 s.
- Severcov A.S. Napravlennost evolyucii. M.: Izd-vo MGU, 1990. 272 s.
- Shermer M. Tajny mozga. Pochemu my vo vse verim. M.: Eksmo, 2017. 560 s.
- Sociofizika i socioinzheneriya (URL: <http://www.soc-phys.org/jm/>; <http://soc-phys.ipu.ru/>).
- Sorokin P. Socialnaya i kulturnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bolshix sistemax iskusstva, istiny, etiki, prava, i obshhestvennykh otnoshenij. SPb.: RXGI, 2000. 1056 s.
- Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obshhie problemy. M.: Gardariki, 2006. 384 s.
- Turchin A.V. Problema stabil'nogo razvitiya i perspektivy global'nykh katastrof // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 1. S. 156-163.
- Universalnaya i globalnaya istoriya. Evolyuciya Vselennoj, Zemli, zhizni i obshhestva. Xrestomatiya / Pod red. L.E. Grinina, I.V. Ilina, A.V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel, 2012. 688 s.
- Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista. M.: Nauka, 1988. 522 s.
- Vernadskij V.I. Razmyshleniya naturalista. V 2 kn. Kn. 2. Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie. M.: Nauka, 1977. 192 s.
- Vishnyakov D.V. Evolyuciya koncepcij vremeni // Nauka i shkola. 2013. № 1. S. 109-112.
- Vsemirnaya istoriya. V 6 t. / Gl. red. A.O. Chubaryan. M.: Nauka, 2011–2018.
- Werner M., Zimmermann B. Posle komparativa: histoire croisée i vyzov reflektivnosti // Ab Imperio. 2007. № 2. S. 59–90.
- Zinkina Yu.V., Ilin I.V., Andreev A.I., Aleshkovskij I.A., Korotaev A.V. Vvedenie // Zinkina Yu.V., Ilin I.V., Andreev A.I., Aleshkovskij I.A., Korotaev A.V. Istoricheskaya globalistika. T. 1. M.: Moskovskaya redakciya izdatelstva «Uchitel», 2016. S. 8-12.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр интеллектуальной истории, Институт всеобщей истории РАН; cih@igh.ras.ru

Historicity and universal evolutionism

The article deals with the problem of correlation between historicity and the concept of universal (or global) evolutionism, which claims a paradigmatic, transdisciplinary and post-nonclassical status and dominating in some areas of domestic macrohistory. We consider variants of ideas about natural-science temporality and humanitarian historicity, and their dialogical potential. It is indicated that although universal evolutionism acknowledges in the theory the achievements of nonclassical science and historical knowledge, but in the application to historical problems (the theory of civilizations, big history) it ignores the problem of historicity, remaining largely physicalist.

Keywords: universal evolutionism, historical globalistics, synergetics, post-nonclassical knowledge, relativism, synthetic theory of evolution, post-postmodernism, global history

Igor Ionov, Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; cih@igh.ras.ru